

«Визитовал меня здешней каралища»: официальные встречи в Париже

Хотя визит русского царя во Францию носил специфический характер дипломатической импровизации, стараниями Петра I он приобрел важное политическое значение и включал в себя протокольные встречи с юным королем Людовиком XV, а также переговоры с регентом Филиппом Орлеанским. Царю приходилось общаться с рядом государственных деятелей, дипломатов и придворных, посещать государственные учреждения и официальные мероприятия.

В Париже ждали необычного гостя. Для него приготовили апартаменты в Лувре и отель (особняк) Ледигьер на улице Серизе в районе Бастилии.

Слухи о скором прибытии царя будоражили столичное общество. Уже 6 мая огромная толпа собралась на улицах Парижа, ведущих к Сен-Дени в ожидании высокого гостя; говорили, что регент герцог Орлеанский выедет к воротам Сен-Дени для встречи царя¹. Самое полное описание приезда царя во французскую столицу дал издатель «Le Nouveau Mercure» Ф. Бюше. По его словам, в день приезда царя вся дорога от Сен-Дени до Парижа была уставлена в два ряда каретами любопытствующей публики. Однако в связи с наступлением темноты на дороге остались лишь самые стойкие зрители. «Монарх приехал в Париж между 9 и 10 часами вечера, когда король уже спал. Царь был удивлен, видя улицы Сен-Дени и Сент-Оноре полностью иллюминированными, заполненными бесчисленным количеством народа, который занял все окна и проходы. Царь вышел у старого Лувра, его проводили в апартаменты покойной королевы-матери, приготовленные для него. Он осмотрел их в течение получаса, любуясь великолепием королевской мебели, огромным количеством свечей в люстрах и жирандолях, кото-

¹ Amsterdam. № XXXIX. 14 mai 1717.

рые отражались в зеркалах и производили почти ослепляющее впечатление. Войдя в зал, он нашел там два стола на 60 кувертов каждый, сервированные скоромной и постной пищей. Осмотрев их, он попросил кусок хлеба и репы, попробовал пять или шесть сортов вина, выпил два стакана пива, которое он очень любит. Бросив взгляд на толпу вельмож и прочих господ, заполнивших все апартаменты, он попросил маршала де Тессе проводить его в отель Ледигьер <...>² Нельзя поручиться за точность всех описанных в рассказе деталей, но очевидно, что Лувр царю «за великостью не понравился»³. Другая газета сообщала, что угощением, состоявшим из 800 блюд, воспользовалась лишь свита царя⁴. Брюссельский журналист, описав странный ужин царя, «уточнил», что тот выпил не только пива, но и «немного водки»⁵.

Хозяева предлагали царю провести в Лувре хотя бы три дня, но он настоял на отъезде в более скромную резиденцию. Прибыв в отель Ледигьер, царь нашел слишком роскошной предназначенную ему кровать и устроился на ночлег в гардеробе, где находилась кровать для слуги⁶.

Три первых дня пребывания в Париже были пожертвованы Петром дипломатическому протоколу. Хотя царь не любил церемоний, и считалось, что он находится во Франции инкогнито, он решил дожидаться официальной встречи, подчеркивающей его равенство с королем Франции. Принимающая сторона, напротив, была очень чувствительна к протокольной стороне визита. В Архиве Министерства иностранных дел Франции сохранилась приуроченная к визиту записка «О титулах», в которой подчеркивалось, что царя ни в коем случае нельзя приравнять к императору, как это делают русские, и именовать Императорским Величеством⁷. На этот раз и царь продемонстрировал «чувство собственного достоинства, высокое понятие о значении России и

² [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 180—181.

³ Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717—1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 32.

⁴ Amsterdam. № XL. 19 mai 1717.

⁵ Relations Veritables. 14 mai 1717.

⁶ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 182; возможно, эта анекдотическая деталь берет начало от сообщения де Либуа о склонности царя селиться в маленьких комнатах; между тем из письма Олсуфьева можно понять, что Петр ночевал в парадном помещении и принимал короля у себя в «спальне». — Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. С. 33.

⁷ Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoire et Documents. Russie. T. 3. № 12. F. 134—138.

даже некоторое чванство»⁸. Герцог Сен-Симон позже заметил: «При всей своей любознательности он не хотел выйти из дворца Ледигьер и вообще подавать признаков жизни до тех пор, пока король не сделает ему визит»⁹.

Утром 8 мая регент Франции Филипп Орлеанский нанес визит царю. Это была чисто протокольная встреча («о делах не говорили»), продолжавшаяся, по разным свидетельствам, от 15 минут до часа. Перед встречей маршал де Тессе представил высокому гостю французских вельмож и военачальников. Разговор с военными специалистами, среди которых был маршал Виллар, вызвал особый интерес у Петра¹⁰.

Весь следующий день царь находился в своей резиденции в ожидании визита короля. В этот день он писал Екатерине: «Я третьего дня ввечеру прибыл сюды благополучно, и два или три дни принужден в доме быть для визит и прочей церемонии, и для того ничто еще не видел здесь <...>»¹¹.

Людовику XV во время царского визита было семь лет. Он унаследовал трон от своего прадеда Людовика XIV в 1715 году. Письмом от 30 октября 1715 года русский царь поздравил нового короля с восшествием на престол¹². Король-мальчик имел приятную внешность: живые черные глаза, длинные загнутые ресницы, прекрасный цвет лица, очаровательный маленький рот, розовые щеки. Вместе с тем этот хрупкий и застенчивый ребенок быстро превращался в «*enfant terrible*». К двенадцати годам он стал злобным и насмешливым подростком, плохо воспитанным и не приученным к работе¹³. Королевским воспитателем был маршал де Вильруа (François de Neufville, duc de Villerois, 1644—1730). Неудачливый полководец, проигравший несколько сражений, он тем не менее считался одним из самых высокопоставленных придворных¹⁴. Маршал был владельцем отеля Ледигьер, в котором постоянно не жил и который был предоставлен в качестве резиденции Петру и его свите.

⁸ Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1883, авг. С. 187.

⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 360.

¹⁰ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 183—185.

¹¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 66.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/2. Л. 286—286 об.

¹³ Goncourt E. et J. de. Portraits intimes du dix-huitième siècle. Paris, 1908. P. 3, 4.

¹⁴ Dictionnaire du grand siècle. Paris, 1990. P. 1602.

В понедельник 10 мая 1717 года Людовик XV посетил Петра I в отеле Ледигьер. Царь, встретив короля у кареты, «нежно поцеловал его, взял за руку и не отпускал до того, как усадил его в кресло». В нарушение правил этикета царь сам без помощи придворных провел его по лестнице в свой кабинет, уступив ему почетную правую сторону. Монархам приготовили одинаковые кресла для беседы. Во время встречи царь выказывал маленькому Людовику такие знаки уважения и нежного внимания, что «едва можно было удержаться от слез»¹⁵. Заготовленная заранее речь короля, по словам французского журналиста, очень растрогала присутствующих. Герцог Сен-Симон позже написал в своих мемуарах: «Было удивительно видеть, как царь берет короля на руки, поднимает и целует, и король при его малолетстве, притом совершенно к этому не подготовленный, ничуть не испугался»¹⁶. Знаменитый мемуарист отмечал, что Пётр рачтал похвалы королю и выглядел совершенно очарованным им. Действительно, в письме к жене царь писал: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева (царского карлика, находившегося в свите царя. — С.М.), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет»¹⁷. А.Д. Меншикову царь также сообщил 13 мая, что, приехав в Париж, «три дни з двора не съезжал для визит <...> Кароль матерый человек и гораздо стар летами, а имянно 7 лет, который был у меня и я у него»¹⁸. Умильное отношение царя к «каралищу» разделяли и члены свиты. И.И. Бутурлин писал дочери: «От роду своего такова дитяти хорошенькаго не видал, и не по своим летам умен и милостив»¹⁹.

Ответный визит королю в Тюильри царь нанес 11 мая. В честь высокого гостя был выстроен почетный караул из французских и швейцарских гвардейцев «со многою музыкою». Король встречал царя у кареты. Пётр бережно взял двумя руками руку короля и повел его с большой осторожностью. По устному преданию, Пётр, поднимаясь по лестнице, взял короля на руки со словами: «Всю Францию на себе несусь»²⁰. Официальная беседа двух монархов про-

¹⁵ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 187, 189.

¹⁶ Сен-Симон. Мемуары. С. 360.

¹⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. С. 67.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 401 об.

¹⁹ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. М., 1813. Ч. 2. С. 178–179.

²⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 318.

исходила в большом зале Совета Регентства в присутствии многочисленных придворных. Французский журналист приписал царю следующий комплимент: «Я знаю много языков, но предпочел бы их все забыть, а знать лишь французский, чтобы побеседовать с Вашим Величеством»²¹.

«Спозаранку» 24 мая царь вновь — теперь уже инкогнито — посетил короля в Тюильри. Он прошел через апартаменты маршала Вильруа в малый бильярдный кабинет. Вскоре туда прибыл Людовик. Заметив короля, Пётр поспешно приблизился к нему и поцеловал два или три раза. Речь зашла о карте Московии, которая была составлена географом Г. Делилем «по запискам царя». Маршал Вильруа велел ее принести и сказал царю, что король хотел бы знать, насколько она точна. Юный король, устремив взгляд на карту, рассуждал о положении провинций, о разнообразии рек, о числе главных городов. Удивленный ясностью его рассуждений, царь взял карандаш и показал предпринятое им соединение рек Волги и Дона для сообщения Каспийского и Черного морей. После полчасовой беседы царь перешел в кабинет маршала Вильруа, где ему продемонстрировали драгоценности короны. По словам журналиста, царь рассуждал об их красоте и стоимости как знаток. Однако герцог Сен-Симон, кажется, более точен, утверждая, что в отношении драгоценностей царь сказал, «что очень мало понимает в них»²².

18 июня Пётр нанес королю прощальный визит в Тюильри «без всякого церемониала». На прощание царь подарил ему план Петербурга. Это был генеральный проект Ж.Б.А. Леблона, представлявший столицу русского царя как идеальный город будущего.

Личная симпатия Петра к юному французскому королю, как и политический расчет, сказалась на его желании выдать замуж за французского монарха свою дочь Елизавету. Царь писал Б.И. Куракину 16 января 1724 года: «ты пишешь, что дюк де Бурбон сватается на нашей дочери; другое, что король не хочет жениться на гишпанской [принцессе]; того ради зело *бы мы желали, чтоб сей жених нам зятем был*, в чем гораздо прошу все возможные способы к тому употребить по крайней возможности <...>» (курсив мой. — С.М.)²³. Однако планам Петра не суждено было сбыться. Сразу после смерти царя французское правительство отвергло эту идею. Людовик XV женился на дочери противника Петра I — изгнанного польского короля Станислава Лещинского. Во внешней политике Людовика проявлялась почти неприкрытая неприязнь к России, которая не

²¹ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 193.

²² Сен-Симон. Мемуары. С. 365.

²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 106. Л. 114.

исчезала даже в короткие периоды относительной стабилизации русско-французских отношений²⁴.

Регент Франции Филипп Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans, 1674—1723) проявлял большую заинтересованность в поддержании добрых отношений с Россией, как по сравнению со своим предшественником, так и по сравнению с Людовиком XV. Прекрасно образованный, не лишенный воинских и государственных талантов, он был отстранен от государственных дел при жизни Людовика XIV. Смерть ближайших наследников «короля-солнца» сделала возможным приход герцога Орлеанского к власти. Регент получил в наследство разоренную страну и по-своему пытался вывести ее из кризиса. Он проявил себя как гибкий и одаренный, но недостаточно волевой политик. Филипп отличался веселым нравом и приобрел скандальную известность своими вечерними оргиями в Пале-Рояль в окружении многочисленных любовниц и друзей-«греховодников»²⁵.

В декабре 1715 года, поздравляя Филиппа Орлеанского с приходом к власти, Пётр I писал о «особливой нашей консидерации к вашей особе и к великим квалитетам, которыми вы украшены». За обычной вежливостью письма просматривается реальное желание Петра укрепить связи с Францией. Он просил «протекции» регента по отношению к своим агентам Зотову и Лефорту и надеялся, что «мы случай возымеем <...> действительные опыты нашей дружбы и приятства <...> оказать»²⁶. Такой случай представился в мае 1717 года. При первой встрече с регентом в отеле Ледигьер 8 мая царь якобы заявил, что как только он узнал, что тот стал регентом, он принял решение приехать во Францию²⁷. 14 мая во второй половине дня царь со свитой прибыл в резиденцию регента Пале-Рояль. Филипп Орлеанский в окружении придворных встречал его у кареты. Освежившись прохладительными напитками, царь и регент в сопровождении придворных прошли в Королевскую оперу Пале-Рояль. 23 мая царь вновь посетил регента в его загородной резиденции Сен-Клу, а вечером того же дня его жену (Франсуазу Марию Бурбонскую) в Пале-Рояль. 16 июня, побывав на смотре королевских войск на аллеях Елисейских полей, царь и регент прогуливались и беседовали с глазу на глаз в саду Тюильри. 18 июня Пётр I

²⁴ См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700—1775. М., 1995.

²⁵ См.: *Трачевский А.С.* Государственные висельники во Франции и Петр Великий // Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 1—3. С. 434—452.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 79/3. Л. 408—408 об.

²⁷ [*Buchet P.F.*] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 185.

нанес прощальный визит герцогу Орлеанскому и его жене. Чуткий к придворным настроениям маркиз Ф. Данжо (Philippe de Courcillon, marquis de Dangeau, 1638–1720), заметил в своем дневнике: «Его Королевское Высочество (регент. — С.М.) находит, что царь очень умен»²⁸. В свою очередь царь в письме (август 1717 года) благодарил регента «за все опыты дружбы» и «за все учтивости и приязнь, в последнюю нашу бытность во Франции нам оказанную»²⁹.

Авторы XIX века (П. Лакруа, А. Ле Гле)³⁰ писали о тайных попойках царя и регента в присутствии герцогини Беррийской, о «силовом» давлении, оказанном Петром на правителя Франции в целях заключения союзного договора, однако эти легенды не имеют под собой реальных оснований.

Отдельную встречу русский царь имел с матерью регента Елизаветой Шарлоттой Баварской, принцессой Палатинской (Elisabeth Charlotte de Bavière, princesse du Palatinat, 1652–1722) — умной, начитанной и наблюдательной женщиной. Пётр I также посетил дочь регента герцогиню Марию Луизу Елизавету Беррийскую (Marie Louise Elisabeth, duchesse de Berry, 1695–1719) в Люксембургском дворце. Молодая вдова младшего внука Людовика XIV пользовалась дурной славой у парижских сплетников; в народе ее называли «Мессалина де Берри». Считалось, что в своей резиденции она предавалась чревоугодию и любовным утехам. Очевидец встречи царя и дочери регента писал: «Мадам де Берри казалась толстой (намек на скандальную беременность молодой вдовы. — С.М.), как башня, но в то же время прекрасной и свежей»³¹. Один из наблюдателей сообщал, что герцогиня Беррийская специально приехала в Люксембургский дворец из своей летней резиденции для встречи с царем. Она вышла навстречу своему гостю и, проводив его в кабинет, предложила занять самое высокое кресло. Однако царь проявил галантность и сел только после того, как герцогиня заняла это кресло³².

Герцог Сен-Симон, тщательно фиксировавший визиты царя к членам королевской фамилии, заметил: «На принцев и принцесс крови он обращал внимания не больше, чем на первых вельмож

²⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaignon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 82.

²⁹ Архив СПБИН РАН. Ф. 270. № 85. Л. 107.

³⁰ См.: [Lacroix P.] Mémoires du cardinal Dubois. Paris, 1829. Т. 3. Р. 344–359; Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. Р. 280–281.

³¹ [Buvat J.] Gazette de la Régence. Janvier 1715–juin 1719. Paris, 1887. Р. 180.

³² Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже // Русская мысль. 1884. № 1. С. 112.

двора, да и не очень их различал»³³. Тем не менее, царь посетил узаконенных детей Людовика XIV и маркизы де Монтеспан — уже упомянутую Ф.М. Бурбонскую, жену регента, и ее братьев — герцога Луи Огюста Мэнского (Louis Auguste de Bourbon, duc du Maine, 1670—1736)³⁴ и Луи Александра де Бурбона, графа Тулузского (Louis Alexandre de Bourbon, comte de Toulouse, 1678—1737).

Гораздо больше любопытства проявил Пётр I при посещении монастыря Сен-Сир, в котором доживала свой век маркиза Франсуаза де Ментенон (Françoise d'Aubigny, marquise de Maintenon, 1635—1719) — фаворитка и морганатическая жена «короля-солнца». Она была для Петра I живым воплощением «великого века» Людовика XIV, к которому русский царь испытывал явный пиетет. Французские мемуаристы отмечали, что царь проявил в данном случае самое бесцеремонное любопытство и оскорбительное пренебрежение к этикету. Однако слухи о бесцеремонности царя были несколько преувеличены. Известный историк К. Валишевский, отнюдь не склонный к идеализации Петра, писал, что «многие подробности визита Петра I в Сен-Сир были предварительно обсуждены на высшем уровне». Он же привел письмо самой маркизы с описанием визита: «В эту минуту вошел господин Габриэль и сказал мне, что господин Беллегард (маркиз де Бельгард — сын герцога д'Атена. — С.М.), то есть царь, просит мне передать, что он хотел бы явиться сюда после обеда, если я только найду это удобным. Я не посмела отказать и сказала, что приму его в постели. Больше мне ничего не сказали. Я не знаю, нужно ли принимать его с церемониалом; захочет ли он осмотреть дом, познакомиться с девицами; я не знаю даже, явится ли он со свитой. Я все представила случаю... Царь прибыл в семь часов вечера; он сел у изголовья моей постели и спросил, больна ли я? Я отвечала: да; он велел спросить, чем я больна? Я отвечала: моя болезнь — глубокая старость вместе с довольно слабым телосложением. Царь не знал, что сказать мне, а его переводчик как будто не понял меня. Его посещение было очень коротко <...> Он попросил открыть нижний край (полога) моей постели, чтобы лучше видеть меня. Вы понимаете, что его желание было исполнено»³⁵. Похожее описание визита имеется в «анекдоте» Я. Штелина, записанном со слов сопровождавшего Петра в Париже барона

³³ *Сен-Симон*. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве: Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 363.

³⁴ Возможно, царь встретился с ним 11 мая при посещении Арсенала, где находилась резиденция герцога в качестве фельдцейхмейстера артиллерии.

³⁵ *Валишевский К.* Пётр Великий // Собр. соч.: в 5 т. М., 1993. Т. 2. С. 362.

Черкасова. Из него следует, что царь проявил вежливую настойчивость в своём желании увидеть фаворитку покойного короля³⁶.

Русский царь не уделял особого внимания французской аристократии, отнюдь не казался дамским угодником. Ему приходилось общаться с теми, кто был приставлен к нему регентом для сопровождения, но более охотно он встречался с теми, кто вызывал у него личный, «профессиональный» интерес.

Маршал Рене Ман де Фруле граф де Тессе (René Mans de Froulay, comte de Tessé, 1648—1725) по поручению герцога Орлеанского отвечал за прием царя в Париже и должен был всех ему представлять. С этой целью он временно поселился в отеле Ледигьер, где расположился царь со свитой. Маршал не принадлежал к ближайшему окружению регента и в то время находился не у дел. Вместе с тем это был титулованный аристократ, старый воин, опытный придворный и дипломат³⁷. «Ему пришлось изрядно потрудиться, повсюду следуя, а порой и бегая за царем»³⁸, — замечал герцог Сен-Симон. Лица, сопровождавшие царя, отмечали его подвижность, нетерпеливость, частую смену желаний. «Со всеми этими переменами нет ни одного человека, у которого не пошла бы голова кругом»³⁹, — жаловался де Тессе. Маршалу также было поручено вести с царем и его министрами дипломатические переговоры, которые завершились подписанием Амстердамского союзного договора.

Во время пребывания царя в королевских резиденциях его, как правило, сопровождал герцог Луи Антуан д'Антен (Louis Antoine de Pardaillan de Gondrin, duc d'Antin, 1665—1736). Законный сын фаворитки короля маркизы де Монтеспан, он проявил свои таланты в войнах в Испании, Германии и Нидерландах, а затем заменил знаменитого архитектора Мансара в должности генерального директора (с 1716 года — суперинтенданта) королевских строений. Красивый, образованный, наделенный гибким умом, он был необыкновенно услужливым и расторопным придворным, слыл покровителем искусства⁴⁰. Герцог снабдил высокого гостя описанием достопримечательностей Парижа, переведенным на русский язык. Он же преподнёс Петру два роскошных рукописных альбома с изоб-

³⁶ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 65.

³⁷ Dictionnaire du grand siècle. P. 1510—1511.

³⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 356.

³⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 207.

⁴⁰ Dictionnaire du grand siècle. P. 91.

ражениями Версаля и Марли⁴¹. Д'Антен принимал царя в своем парижском дворце на улице Нев-Сент-Огюстен и в загородном замке Пти-Бур. Несомненно, герцог сумел понравиться царю и остался доволен собой:

«Правда, что я ничего не забыл, чтобы ему понравиться во время его пребывания в Париже и чтобы оказать ему честь всеми возможными для меня способами. Я ему дал все мои прекрасные книги с планами и от имени короля — два ковра мануфактуры Гобеленов, которые он посчитал наилучшими как с точки зрения рисунка, так и цвета, которые он нашел восхитительными»⁴².

Интересным парижским собеседником был для Петра I вице-адмирал маршал Виктор Мари д'Эстре (Victor Marie duc d'Estrées, 1660–1737). Уже в девятнадцать лет он был капитаном корабля, плавал к берегам Америки, боролся с алжирскими пиратами, дослужился до президентства в Морском совете, был членом Совета регентства. Вместе с тем это был высокообразованный человек, член академий, полиглот, библиофил, коллекционер. Царский агент в Париже К. Зотов еще до приезда Петра во Францию свел знакомство с вице-адмиралом, который, по его словам, «гораздо владеет г[оспо]д[и]ном Режантом дюком Дорлеаном не только в морских, но и в протчих делах»⁴³. К тому же д'Эстре относился к тем немногим французским государственным деятелям, кто с симпатией следил за политическими успехами русского царя. У маршала было несколько встреч с Петром, по итогам которых он писал 21 июня 1717 года: «Царь еще здесь (на самом деле царь выехал из Парижа вечером 20 июня. — С.М.) и, кажется, он доволен тем, что он видит, и оказанными ему почестями. Я часто видел его царское величество и очень тронут его добротой по отношению ко мне»⁴⁴.

Свой интерес к военному делу Петр I мог удовлетворить во время встреч с маршалом Клодом Луи Гектором Вилларом (Claude Louis Hector, duc de Villars, 1653–1734) — опытным военачальником, который мог похвастаться победами над знаменитым полководцем Евгением Савойским. Возможно, первая встреча с марша-

⁴¹ Khmelevskikh I. L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 19–64.

⁴² Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Fr. Nouv. Acq. 23931. (*Duc d'Antin. Mémoires de la Régence. T. III. 1717. Fol. 5*).

⁴³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 32. Л. 488–488 об.

⁴⁴ Surreaux S. Le livre, premier contact avec une contrée lointaine: les maréchaux de France, leurs bibliothèques et des échanges scientifiques et diplomatiques avec la Russie au XVIII-e siècle // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 153.

лом, состоявшаяся сразу после визита регента в Отель Ледигьер утром 8 мая, была омрачена воспоминаниями царя о недружественных дипломатических демаршах Виллара в отношении России. До царя дошли сведения, что при заключении Раштадтского мирного договора (март 1714 года), французский маршал «двор цесарский приводил к тому, чтоб обще с королем его (Людовиком XIV. — С.М.) старание имел о восстановлении короля шведского во владении возвращенных и завоеванных (русскими. — С.М.) его земель. И чтоб все те полученные провинции принудить его царское величество ему шведу возратить»⁴⁵. Однако дальнейшее личное общение с маршалом Вилларом принесло царю явное удовлетворение.

В Париже Пётр I получил возможность продолжить начатое в Дюнкерке и Кале знакомство с военными силами Франции. 14 мая, будучи в Большой галерее Лувра, он заинтересовался коллекцией «планов-рельефов» (макетов) французских крепостей. Это замечательное собрание начали создавать во второй половине XVII века по приказу военного министра Лувуа и под непосредственным наблюдением знаменитого фортификатора маршала Себастьяна Ле Претра де Вобана, деятельность которого вызывала неизменный интерес у русского царя. Коллекция представляла точные макеты (в масштабе 1:600) более сотни современных крепостей, построенных или перестроенных Вобаном и расположенных в основном на границах королевства. Изначально планы-рельефы предназначались для служебного пользования и охранялись как военная тайна. В начале 1700-х годов коллекцию перенесли в Лувр, где её по особому разрешению короля могли осматривать иностранные военные и дипломаты. Макеты стали предметом военного искусства и королевского престижа⁴⁶, а также одной из достопримечательностей столицы. В «Описании города Парижа» Ж. Бриса о них говорилось:

«Планы главных крепостей Европы, в особенности французских, расположены в той части Большой Галереи, которая примыкает к Лувру. Всего их насчитывается 160 или около того; среди них есть и очень дорогостоящие. Эти планы дают объемное изображение малейших частей укреплений и зданий городов. Наибольшее удовлетворение вызывает то, что нигде в других местах нельзя увидеть ничего подобного. Ни один монарх не продвинул так далеко это мастерство <...> некоторые из этих планов стоили 10000 экю. Жан Бертье сделал большинство этих планов; он обладает исключи-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. 1714. № 1. Л. 2.

⁴⁶ См.: *Warmoes I. Le musée des plans-reliefs. Maquettes historiques de villes fortifiées.* Paris, 1997. P. 7–10; ныне большая часть сохранившихся макетов выставлена в Музее армии в парижском Доме Инвалидов.

тельным опытом изготовления произведений такого рода; он преуспел в этом деле как никто другой до сих пор»⁴⁷.

В этом своеобразном музее царь смог увидеть, как выглядели укрепления Дюнкерка до разрушения, вспомнить знакомые ему крепости Гравлина и Кале, познакомиться с другими постройками Вобана. Пояснения давали маршал Виллар, а также маркиз Клод Франсуа Асфельд (Claude François, marquis d'Asfeld, 1665–1743), который отвечал в Военном совете за строительство фортификаций.

16 мая герцог Виллар с супругой сопровождали царя при посещении Дома Инвалидов. Громадное здание приюта для раненых солдат-инвалидов было построено на окраине Парижа по указу Людовика XIV. Эта грандиозная новостройка также являлась предметом гордости французских властей. В приюте одновременно могло находиться более 5 тысяч ветеранов. По свидетельству герцога Сен-Симона, Пётр «хотел всё увидеть и всё повсюду изучить. В столовой он отведал солдатской похлёбки и вина выпил за здоровье солдат, похлопал их по плечам, называя камрадами. Ему весьма понравились церковь, аптека и госпиталь, и вообще, казалось, он был восхищён тамошним порядком»⁴⁸. На память о посещении Виллар преподнес царю книгу «Общее описание королевского Дома Инвалидов»⁴⁹. Может быть, впечатления от парижского Дома Инвалидов повлияли на ускорение строительства огромного (300-метрового по фасаду с церковью посередине) каменного Главного Морского и Сухопутного госпиталя в Петербурге на Выборгской стороне. Вечером 17 июня царь ужинал у маршала Виллара в его дворце на улице Гренель. В честь высокого гостя хозяин устроил выступление военных музыкантов, в ходе которого царь якобы сам играл на барабанах, а маршал — на цимбалах⁵⁰.

С момента приезда во Францию Петру неоднократно приходилось видеть учения французских войск, как специально устроенные для него, так и те, случайным свидетелем которых он оказался. Так, 23 мая, возвращаясь из Сен-Клу, царь задержался по дороге в Саблонской долине, чтобы посмотреть военные экзерции. Самым крупным военным мероприятием, специально устроенным для царя, был смотр королевских войск, который французские вла-

⁴⁷ Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1. Р. 138–139.

⁴⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 362.

⁴⁹ Речь идет о книге: Boullencourt de. Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides... Paris, 1683.

⁵⁰ Champion Ph. Les soixante-six jours français du tsar Pierre I-er: Avril–juin 1717. Paris, 2004. Р. 114.

сти устроили 16 июня на аллеях Елисейских Полей, тогда еще не ставших городской улицей. Описание Парижа 1717 года характеризовало Елисейские Поля как «обширное пространство, засаженное высокими деревьями, которые образуют несколько аллей различной ширины, в которых удобно прогуливаться в каретах»⁵¹. Очевидец оставил следующее описание этого события: «Царь выразил желание видеть королевские войска. Регент отдал приказ жандармам, легкой кавалерии, мушкетерам, а также французской и швейцарской гвардии собраться 16-го после обеда. Для смотра была выбрана большая аллея Елисейских Полей. Французские и швейцарские гвардейцы были выстроены в пять линий от начала этой аллеи до барьера, который её отделяет от аллеи Руль. Кавалерия выстроилась в четыре линии от этого барьера до Звезды. Принц де Роган-Субиз⁵² был во главе жандармов, герцог де Шольн⁵³ и его сын стояли во главе легкой кавалерии. Господин д'Артаньян⁵⁴ командовал серыми мушкетерами, а господин Канийяк⁵⁵ — черными. Герцог дю Мэн и герцог де Гиш⁵⁶ были на лошадях. Царь прибыл в половине четвертого в начало аллей Елисейских Полей. Ему и его свите подали королевских лошадей. Герцог Орлеанский тоже был на коне в окружении придворных. Царь в сопровождении регента быстро проскакал перед первой линией и стал наблюдать строевые упражнения пехоты. Однако облака пыли, поднятые каретами, лошадьми и бесчисленным множеством народа, создали неудобство для монарха, и он был вынужден удалиться, так и не увидев прохода прекрасных войск»⁵⁷.

В литературной мистификации А.А. Нартова приводилась оценка Петром I французских войск, якобы записанная со слов современника: «<...> государь, осматривая войска французские, при чем были герцог Орлеанский, дюки дю Мен и Гиз, и возвратясь домой, князю Куракину, бывшему в Париже послу, сказал: “Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют”»⁵⁸. В своих рассказах Нартов, патриот и противник галло-

⁵¹ *Brice G.* Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1. Р. 148–149

⁵² Jules François Louis, prince de Rohan-Soubise (1697–1724).

⁵³ Louis Auguste d'Albert d'Ailly, duc de Chaulnes (1676–1744).

⁵⁴ Возможно, речь идет о двоюродном брате прототипа героя романа А. Дюма: Pierre de Montesquiou d'Artagnan (1640–1725).

⁵⁵ Philipp Claude de Montboissier Beaufort, marquis de Canillac (1669–1725).

⁵⁶ Antoine de Gramont, duc de Guiche (1672–1725).

⁵⁷ *Le Nouveau Mercure*. 1717, juin. Р. 194–196.

⁵⁸ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

мании, не раз обращался к теме особой выносливости русских войск, противопоставляя их изнеженным французам⁵⁹.

В предпоследний день своего пребывания в Париже, в первой половине дня 19 июня, Пётр I посетил судебное заседание в Парижском парламенте, желая видеть «каким образом творится правосудие в высшем трибунале Франции»⁶⁰. Договоренность о визите была достигнута заранее. Заседание суда было созвано в неурочный день ради царя. Члены трибунала были в красных мантиях, подбитых горностаем, и бархатных шапочках; летом они одевались так лишь в тех случаях, когда Парламент посещал монарх. Большой зал был специально украшен в связи с визитом высокого гостя. Царь прибыл в сопровождении своей свиты и маршала де Тессе. Президент парламента Жан Антуан де Месм (Jean Antoin de Mesme, 1661—1723) был в это время занят и поручил встретить царя своим братьям — Ж.Ж. де Месму, королевскому балыи и послу Мальтийского ордена, и аббату де Месму. В ожидании заседания царь прогуливался в апартаментах президента и в библиотеке. Там он увидел глобус и заметил, что очертания Каспийского моря на нем показаны неправильно. Пётр собственноручно поправил ошибку, что было подтверждено в специальной памятной записке. Затем царя провели в Большой зал, где он расположился на трибуне вместе с маршалом де Тессе, братьями де Месмами, Б.И. Куракиным, П.И. Ягужинским, С. Рагузинским, И.И. Бутурлиным. Трибуна была украшена дамасскими коврами с золотыми галунами. На другой трибуне расположились В.В. Долго-руков, П.П. Шафиров, П.А. Толстой, Р. Арескин и С.Г. Нарышкин. Президент и девять других судей вошли в зал, поклонились царю, который приветствовал их стоя, и заняли высокие судейские скамьи. В присутствии царя разбиралась тяжба между неким господином Бенаром и компанией пильщиков. Это было рядовое рутинное дело. Адвокаты Мильшо и Герен вели защиту. Королевский адвокат Г. де Ламуаньон в заключительном слове сказал, что впервые в их суде присутствует государь отдаленной и могучей державы, и посему этот день должен остаться в анналах храма правосудия. После заседания царь прошел в буфетную, где общался с судьями и рассматривал их одеяния. Наконец, он зашел к президенту, выразил ему свою признательность. Президент со своими братьями проводили царя до кареты.

Не только королевские власти, но и муниципалитет Парижа выразил царю свое уважение. По сообщению походного журнала,

⁵⁹ См.: Там же. С. 285, 311.

⁶⁰ См.: Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 100—101; [*Dangeau Ph.*] Journal du marquis de Dangeau. P. 410—412.

11 мая «были у царского величества с визитом от парижского магистрату 12 человек в вишневых бархатных епанчах»⁶¹. В одном из архивных документов⁶² подробно описан порядок этого визита, согласованного заранее и проходившего под руководством королевского церемониймейстера маркиза Т. Дрё (Thomas de Dreux, marquis de Brézé, 1677—1754). Купеческий старшина (прево), члены магистрата (эшевены), королевский прокурор, секретарь суда и сборщик налогов, одетые в бархатные плащи, прибыли в шести каретах, сопровождаемые лучниками и городскими гвардейцами. Царь, стоя в окружении придворных, ожидал их в галерее отеля Ледигьер. Служители преподнесли ему шесть корзин с городскими дарами: в трех корзинах из тонких ивовых прутьев находились двенадцать дюжин факелов из белого воска, связанных в пучки голубыми лентами; в трех таких же корзинах были двенадцать дюжин коробок с сушеными фруктами (*confitures seches*). Когда дары были поставлены перед монархом, парижский прево Шарль Трюден (Charles Trudaine, seigneur de Montigny, 1660—1721) и Пётр I обменялись «комплиментами», после чего представители городской власти удалились в церемониальном порядке.

Знакомство с пышным королевским двором, с представителями французской аристократии и военной элиты произвело на русского царя благоприятное впечатление, но, судя по наблюдениям О.Г. Агеевой⁶³, не сыграло особой роли в европеизации русского двора. Впрочем, опосредованное или прямое влияние военного искусства, придворных обычаев, моды Франции на «преображенную» Россию, несомненно, имело место.

В основном за рамками вышеописанных официальных встреч и мероприятий, но во многом благодаря им Пётр I во Франции мог осуществить широкую программу деятельности по знакомству с Парижем, французским искусством и наукой, мог проводить кропотливую дипломатическую работу.

⁶¹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Голландии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

⁶² Приведен в кн.: *Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682—1717)*. Paris, 1908. P. 195—199.

⁶³ См.: *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора 1700—1796. М., 2006.